

Н.Е. Тихонова
**СУБЪЕКТИВНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:**
состояние, динамика, ключевые проблемы

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЙ ЦЕНТР МИРОВОГО УРОВНЯ
ЦЕНТР МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

РАСПРЕДЕЛЕННАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
СЕТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НЕРАВЕНСТВА

Н.Е. ТИХОНОВА

**СУБЪЕКТИВНАЯ
СТРАТИФИКАЦИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА,
КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Серия аналитических докладов НИУ ВШЭ
«Социально-экономическое неравенство в России:
состояние, динамика, ключевые проблемы»

Москва, 2021

Публикация подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации
(№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-928)

Научный центр международного уровня
«Центр междисциплинарных исследований
человеческого потенциала»

Распределенная исследовательская группа
«Сеть исследователей неравенства»

Редакционная коллегия

Л.Н. Овчарова, д-р экон. н., проректор НИУ ВШЭ (научный редактор),
С.В. Мареева, канд. социол. н., заведующий Центром стратификационных исследований,
Институт социальной политики НИУ ВШЭ,
О.В. Ворон, канд. филол. н., доцент, советник проректора НИУ ВШЭ

Автор

Н.Е. Тихонова, д-р социол. н., проф., главный научный сотрудник,
Институт социальной политики НИУ ВШЭ

Тихонова, Н. Е. Субъективная стратификация российского общества: состояние, динамика, ключевые проблемы [Текст]: аналитический доклад / Н. Е. Тихонова; под науч. ред. Л. Н. Овчаровой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2021. — 36 с. — (Социально-экономическое неравенство в России: состояние, динамика, ключевые проблемы). — ISBN 978-5-7598-2630-9 (в обл.).

В работе показано, что за последние полтора десятилетия в субъективной социальной структуре российского общества произошли кардинальные изменения: большинство россиян перестало считать себя социальными аутсайдерами, а само российское общество стало обществом массового нижнего среднего класса. Второй особенностью этой структуры является отсутствие у россиян устойчивых идентичностей со средним классом, следствием чего стала неспособность этого класса выступить актором социальных преобразований. Третьей особенностью субъективной стратификации в России выступает все большее завышение роли материального благосостояния в определении социального статуса и приниженность в этом качестве престижа профессии, образования и т.п. Стагнация доходов россиян в последние годы закономерно привела поэтому к быстрому росту запроса на общество социальной однородности.

Для специалистов в области социологии, политологии и социальной политики, работников государственных органов, преподавателей, аспирантов и студентов, в также всех, интересующихся этой проблематикой.

УДК 316.443(470+571)

ББК 60.54(2Рос)

Оглавление

Предисловие научного редактора	4
Введение.....	5
1. Самоопределение социального статуса: особенности и факторы.....	6
2. Субъективная стратификация российского общества: модель и динамика	14
3. Видение населением модели стратификации российского общества: желаемое и реальность.....	21
Заключение.....	30

Список сокращений

ИКСИ — Институт комплексных социальных исследований

ИС РАН — Институт социологии РАН

ИС ФНИСЦ РАН — Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

НИУ ВШЭ — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

РАН — Российская академия наук

РНИСиНП — Российский независимый институт социальных и национальных проблем

Предисловие научного редактора

Большинство ученых и политиков рассматривают неравенство как ключевой глобальный вызов для устойчивого развития. Излишне высокое и нелегитимное в глазах населения неравенство имеет целый ряд негативных последствий — оно сокращает возможности для инклюзивного экономического роста, создает барьеры для снижения бедности и восходящей социальной мобильности, способствует увеличению социальной напряженности.

Сегодня обсуждение оснований, последствий, динамики и возможностей управленческого воздействия на неравенство с целью его снижения — в фокусе междисциплинарных дискуссий о глобальных и национальных векторах социально-экономического развития. Пандемия COVID-19 в очередной раз высветила масштабы существующего неравенства и подчеркнула важность его неденежных аспектов, хотя и до нее все чаще отмечалось, что проблема неравенства гораздо шире, чем различия в уровне доходов и богатства.

Исследования неравенства относятся к мейнстриму социальных наук. Ими сегодня занимаются как ключевые международные организации (Всемирный банк, ОЭСР, ООН, Всемирная база о неравенстве и пр.), так и ведущие мировые университеты (University of Oxford, Harvard University, Stanford University, The London School of Economics and Political Science и др.). В НИУ ВШЭ изучение проблем неравенства и его влияния на формирование и реализацию человеческого потенциала также является стратегическим научным приоритетом исследовательской программы научного центра мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» (НЦМУ ЦМИЧП).

НЦМУ ЦМИЧП объединяет ученых из разных предметных отраслей, что позволяет концептуально и методологически опереться на междисциплинарность в научных разработках, реализуемых на его платформах. Вниманию читателей предлагается серия аналитических докладов «Социально-экономическое неравенство в России: состояние, динамика, ключевые проблемы»,

посвященных его объективной специфике и субъективному восприятию населением, оценке динамики различных монетарных и немонетарных форм его проявления. Данный доклад посвящен субъективной стратификации российского общества. Субъективная стратификация, отражающая представления индивидов о том, какое место в обществе они занимают по сравнению с остальным населением, является важным индикатором общественного благополучия. Субъективная реальность может даже в большей степени влиять на социальное самочувствие и поведение населения, чем объективный уровень жизни. В данном докладе рассматривается субъективная социальная структура российского общества, построенная на основе самооценок россиянами их собственного положения, продемонстрированы ее характерные особенности и происходившие в последние два десятилетия изменения в ее конфигурации. Представлен анализ общественных представлений о факторах, определяющих социальный статус в современной России, а также о модели современного российского общества в целом. Подобный анализ позволяет понять, как отражаются сегодня в субъективном восприятии населения объективные социально-экономические неравенства. Коронакризис 2020–2021 гг. уже внес в эту картину определенные коррективы. Однако, пока он не закончится, сложно сказать, насколько масштабны они в итоге окажутся. Тем не менее, первые его результаты уже нашли свое отражение в данном докладе.

*Лилия Овчарова,
д-р экон. н., проректор НИУ ВШЭ,
инициатор НЦМУ ЦМИЧП*

Введение

Объективные показатели иерархии неравенства отражают в первую очередь особенности социально-экономического развития страны и важны для разработки экономических стратегий и социальной политики. Вместе с тем для принятия решений в рамках государственной социальной политики значимы не только модели объективно существующей стратификации общества, но и его субъективная стратификация, отражающая представления индивидов о своем месте в обществе и по отношению к другим его членам. Субъективная реальность формируется на основе самооценки людьми своего статуса и их представлений о стратификации общества, в котором они живут. Она может влиять на социальное самочувствие и поведение людей даже больше, чем уровень жизни. Статус отражает восприятие человека окружающими, и для индивидов оно обычно более значимо¹, чем собственно экономические аспекты их жизни [Clark, Lipset, 1991]. Статус играет решающую роль в формировании поведенческих установок человека. Субъективную стратификацию, отражающую личностное восприятие людьми своего общественного положения и степень удовлетворенности им, следует учитывать в первую очередь для обеспечения социально-политической стабильности, оценки легитимности существующей в стране власти в глазах населения, а также для прогнозирования поведения людей в той или иной ситуации. Представленная проблематика важна для устойчивости и стабильности развития любого общества, поэтому ее изучение началось достаточно давно. Первые исследования субъективной стратификации начались примерно 80 лет назад в Великобритании и Канаде, с середины 1940-х годов — в США [Warner, Lunt, 1947]. С тех пор социология² накопила огромный материал, позволяю-

щий проводить как кросс-страновые сопоставления, так и динамический анализ субъективной стратификации в рамках одного общества. Особое значение такой анализ имеет для России, где всего лишь поколение назад существовало общество социальной однородности, а задача «жить не хуже других», отражающая запрос на соответствие своего положения стандарту жизни, доминирующему в обществе, и сейчас входит в число приоритетных жизненных целей подавляющего большинства (95,3%³) населения. При этом, хотя анализ субъективной стратификации начался в России гораздо позже, чем в развитых странах, за более чем четверть века проведения соответствующих исследований в нашей стране накоплен очень значительный материал, получивший свое осмысление в научных работах [Богомолова, Тапилина, 1997; Хахулина, 2004; Зудина, 2013; Гимпельсон, Монусова, 2014; Косова, 2014; Тихонова, 1999, 2014а, 2014б и др.]. В то же время интенсивные изменения, происходящие в российском обществе все последние годы, предопределяют необходимость не выпускать эту проблему из поля зрения и отслеживать происходящие в области субъективной стратификации процессы.

Эмпирическую основу анализа составили результаты мониторингового исследования Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН) (3-я волна — октябрь 2015 г., 8-я волна — апрель 2018 г., 10-я волна — июнь 2019 г., 12-я волна — апрель 2021 г., выборки составляли от 2000 до 4000 человек). Модель выборки представляет население страны в регионах проживания, а внутри них — по полу, возрасту и типу поселения (подробнее см.: [Российское общество..., 2017]). Кроме того, для анализа привлечены данные ряда других исследова-

¹ Исключения возможны в условиях глубокого падения уровня жизни конкретного индивида, которое сопряжено с угрозой его выживанию.

² Учитывая, что субъективная стратификация — это компонент общественного сознания, данная проблематика традиционно изучается именно в рамках социологической науки.

³ Данные 12-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН.

ний, проведенных с той же моделью выборки, как и в Мониторинге ФНИСЦ РАН. Данные международных исследований получены в Едином архиве экономических и социологических данных Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). В ряде случаев использованы

также данные опроса, проведенного Левада-центром в январе 2019 г. по общероссийской выборке (1626 респондентов), репрезентировавшей население страны от 18 лет и старше по федеральным округам, поселениям с разной численностью жителей и наличию законченного высшего образования⁴.

1. Самоопределение социального статуса: особенности и факторы

Многолетний анализ проблематики субъективной стратификации в разных странах, в том числе в России, выявил некоторые социально-психологические особенности, сказывающиеся на самооценках людьми своего статуса. Когда респонденту предлагали определить свой статус, человек обычно соотносил себя с представителями своего окружения, у которых тот же уровень образования, род деятельности, служебные полномочия и доходы. Выявлен принцип, которого придерживались все респонденты независимо от статуса: даже граждане с очень высоким статусом не ставили себя на верхние позиции в статусной иерархии, так же как и люди с очень низким статусом учитывали, что у кого-то статус еще ниже [Bottero, 2004]. В результате такого смещения горизонта оценки представители любых слоев чаще позиционируют себя ближе к середине статусной иерархии, чем к верхней или нижней ее части. В то же время избираемое место в средних слоях также может быть достаточно вариативным и соответствовать «нижней средней», «средней-средней» и «верхней средней» частям этих слоев.

Если же говорить не просто о самооценке своего статуса на вертикальной шкале

статусной иерархии⁵, а о вербальной самоидентификации относительно сетки классов или слоев, то, как правило, представители всех групп населения чаще относят себя к среднему или нижнему среднему классу (слою), и очень мало кто идентифицирует себя с высшим или низшим классами (слоями) независимо от объективного положения [Kelley, Evans, 1995: 166; Средний класс..., 2016: 310–326 и др.]. В числе основных предпосылок для таких утверждений — конформизм и стремление «не выделяться» на общем фоне, которые присущи большинству членов любого общества. Как свидетельствуют эмпирические данные, при прочих равных среди конформистски настроенных граждан самоидентификация со средними слоями выражена заметно сильнее, чем у нонконформистов.

Представленные выше закономерности нашли подтверждение и в сегодняшней России. Когда гражданам предлагали словесно определить свой статус, место в обществе, свыше половины опрошенных идентифицировали себя как представителей средних слоев (включая нижнюю их часть), и это имело место все последние годы. Так, в апреле 2021 г. к средним слоям (с характеристикой «среднеобеспеченные») относили

⁴ В докладе частично использованы материалы статьи [Тихонова, 2018а].

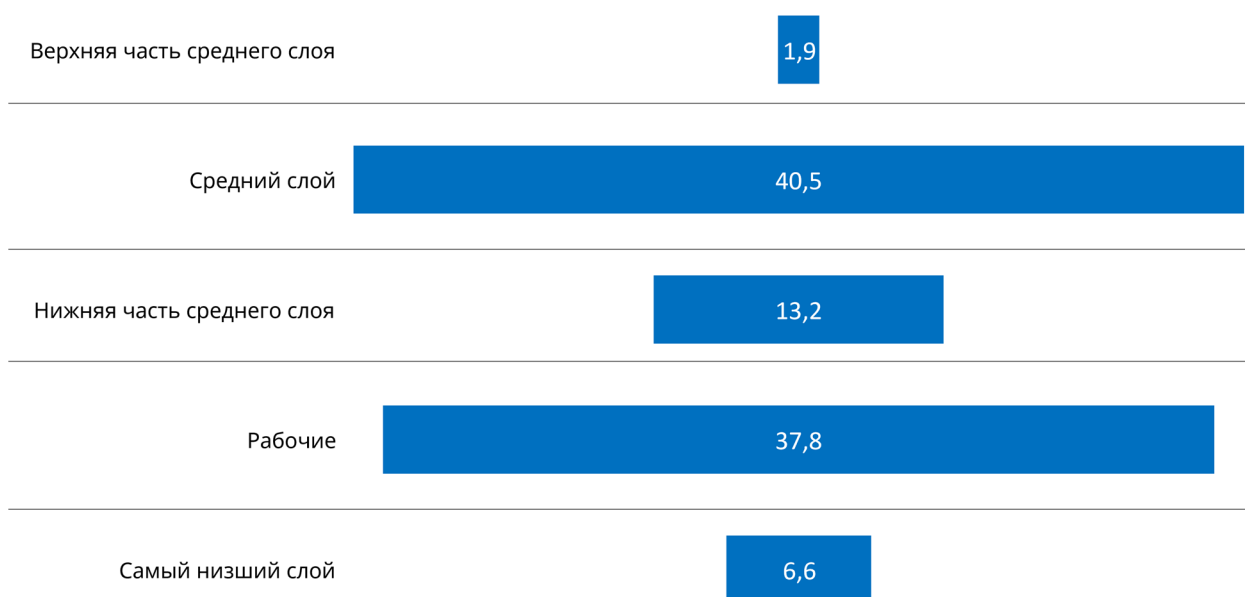
⁵ Для измерения субъективного социального статуса конкретного индивида обычно используют графические или вербальные тесты. И те и другие насчитывают массу вариаций, но наиболее распространены графическая девяти- и десятиступенчатая шкалы социальных статусов (лестница социальных статусов или социальная лестница) и вербальные тесты на самоидентификацию с пятью или шестью слоями или классами, которые затем, в силу очень ограниченного числа относящих себя к верхним слоям в массовых опросах, укрупняются обычно до четырех или пяти слоев или классов.

себя 58,6%, к малообеспеченным — 40,0%, а к высокообеспеченным — 1,4%. Если разделить средние слои на подгруппы, то наиболее распространен субъективный «средний-средний» слой, к которому сверху и снизу примыкают верхняя и нижняя части средних слоев.

Если учитывать не только доходы, но и характер труда (физический / нефизический), от которого зависит престиж деятельности,

и, соответственно, включать в иерархию массовый рабочий класс и рабочую аристократию⁶ как отдельные элементы социальной иерархии (рис. 1), в рамках модели субъективной стратификации выделяются две массовые группы. В первой группе, соответствующей среднему классу, россияне чаще, чем во второй группе (среди рабочих), определяют свое материальное положение как среднеобеспеченность.

Рисунок 1. Самооценки россиянами своего социального статуса в вербальном тесте о положении в обществе, 2019 г., %

Источник: опрос Левада-центра.

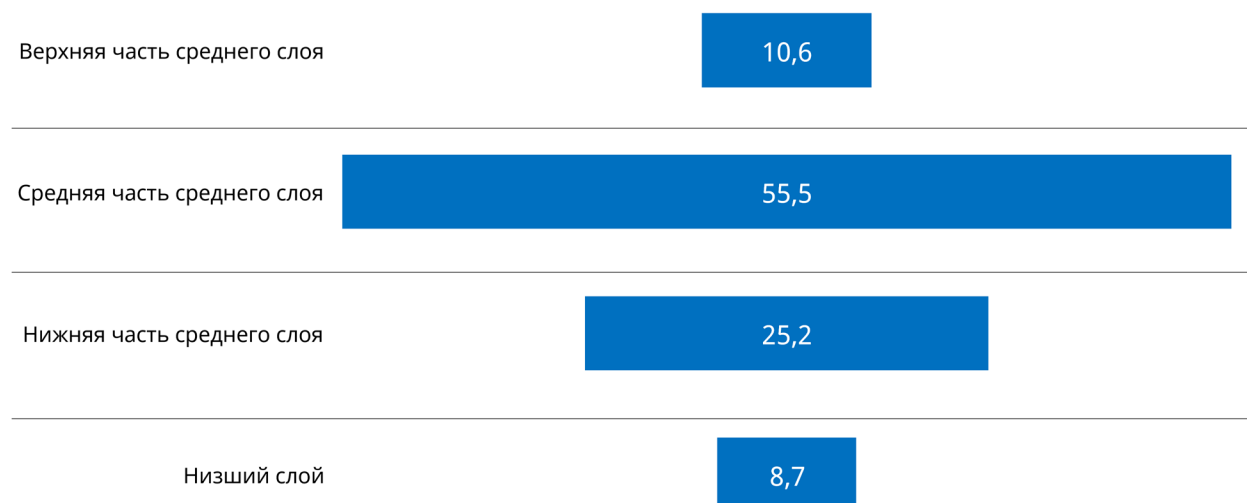
Если же исключить характер труда, параметр, чрезвычайно важный для определения места индивида в социальной стратификации, то картина слоевых идентичностей населения существенно меняется (рис. 2): «средний-средний» слой охватывает большинство населения, многократно

увеличивается доля находящихся выше него, а доля всех групп и слоев ниже него сокращается примерно вдвое.

⁶ Со времен знаменитого трехтомника Д. Голдторпа с коллегами, посвященного исследованию рабочего класса в целом и его верхушки в частности (см.: [Goldthorpe, Lockwood, Bechhofer et al., 1968–1969]), в исследованиях социальной структуры принято рассматривать рабочий класс с учетом этого внутреннего деления. Рабочая аристократия может попадать и в нижний средний, и в собственно средний класс (слой).

Рисунок 2. Самооценки россиянами своего социального статуса в вербальном тесте об их положении в обществе, 2016 г., %

Источник: опрос ГФК «Русь»⁷.

Однако высказанная «срединная» оценка своего статуса не означает, что с ней обязательно связана соответствующая идентичность (индивиды берут на себя соответствующие роли). Так, например, осенью 2015 г. при определении своего места в обществе большинство населения относило себя к средним слоям, но лишь каждый пятый выбирал самоидентификацию с представителями среднего класса как значимую для него. Еще реже люди причисляли себя к представителям низшего класса или бедным, хотя на момент опроса довольно широко распространена частичная идентичность с ними, отражающая скорее ситуационное недовольство людей имеющимся положением и разрыв между желаемым и реальным, чем принятие социальной роли, продиктованной соответствующей статусной позицией (рис. 3).

В ходе исследований данной проблематики установлено, что отнесение себя к той или иной социальной позиции или нахождение своего места на условной лестнице социаль-

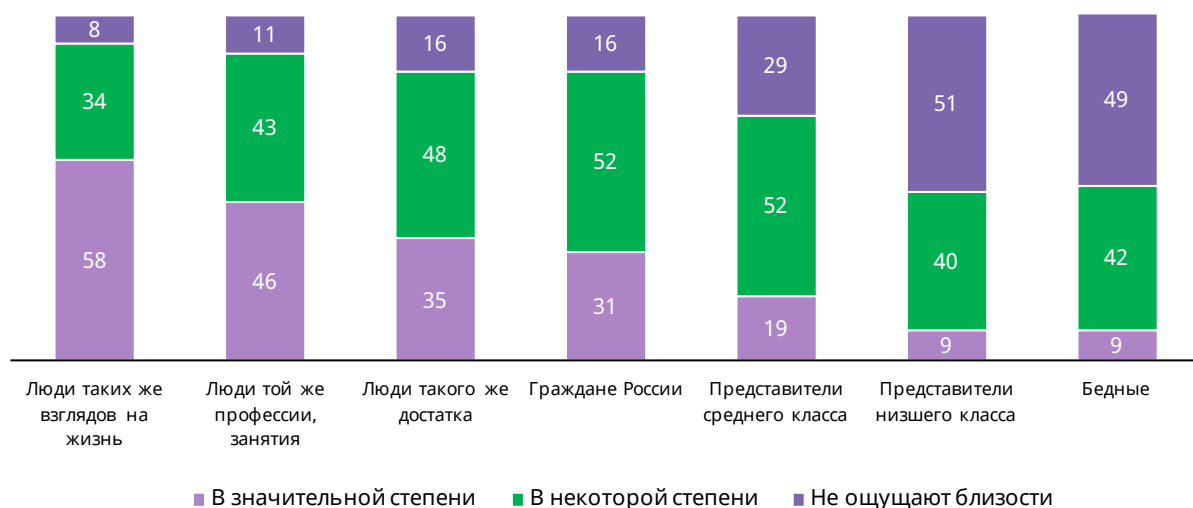
ных статусов во многом зависит от уровня притязаний индивида, т.е. этот факт также имеет социально-психологическую природу. На уровень притязаний, а значит, и на самооценку человеком своего статуса и его представление о существующих в обществе в целом моделях стратификации влияет множество факторов [Alesina, Giuliano, 2011; Benabou, Ok, 2001; Corneo, Gruner, 2002; Kenworthy, McCall, 2008; Гудков, 1999; Тихонова, 1999, 2014а и др.]. В каждом обществе, слое и даже у отдельных индивидов роль этих факторов различна. Среди ключевых факторов следует назвать:

- доходы человека и домохозяйства в целом;
- динамику уровня этих доходов;
- возможность улучшить свою личную ситуацию;
- оценку возможностей восходящей мобильности в обществе в целом (туннельный эффект Хиршмана [Hirschman, Rothschild, 1973]);

⁷ Использованы данные опроса, выполненного в сентябре 2016 г. по заказу Института социальной политики НИУ ВШЭ по общероссийской репрезентативной выборке (2103 человека).

- соотнесение самим человеком достигнутого им с его представлениями о стандартном, нормальном образе жизни в данной стране и даже в других странах (если они рассматриваются как референтные);
- наличие у человека качеств (от возраста и внешности до образования и имущества), которые, по его мнению, ценятся в определенном сообществе, и т.д.

Рисунок 3. С кем и в какой степени россияне ощущают внутреннюю близость (с какой группой себя идентифицируют), 2015 г., %

Источник: данные ИС ФНИСЦ РАН⁸.

Путем агрегирования желаемых статусных позиций всех членов общества можно построить модель, которая дает достаточно много информации к размышлению. Как свидетельствуют эмпирические данные, запросы россиян в области не просто желанных статусных позиций, а положенных им «по справедливости» (рис. 4) заведомо нереальны, поскольку в современном мире невозможна ситуация, где в верхней половине статусных позиций в социальной иерархии было бы сосредоточено свыше 80% населения, а каждый пятнадцатый находился бы на самой верхней из них. Однако информация о запросах россиян позволяет понять, почему весной 2021 г. большинство из них не склон-

ны были оценивать свой статус как хороший: удовлетворительным считали свой статус 67,5%, плохим — 8,2%, хорошим — 24,3%. Чем ниже место в статусной иерархии, тем больше разрыв между самооценками своего места на социальной лестнице и той ее ступенью, на которой респондент хотел бы находиться. Так, весной 2018 г. среди представителей «социального дна» (две нижние ступени) больше половины хотели бы находиться выше на четыре ступени и более, и лишь 5,8% предпочли оставаться на своем месте или подняться лишь на одну ступень⁹. Среди тех, кто находился на 3-й ступени снизу, доля согласных на свой нынешний статус была почти в полтора раза выше, но также

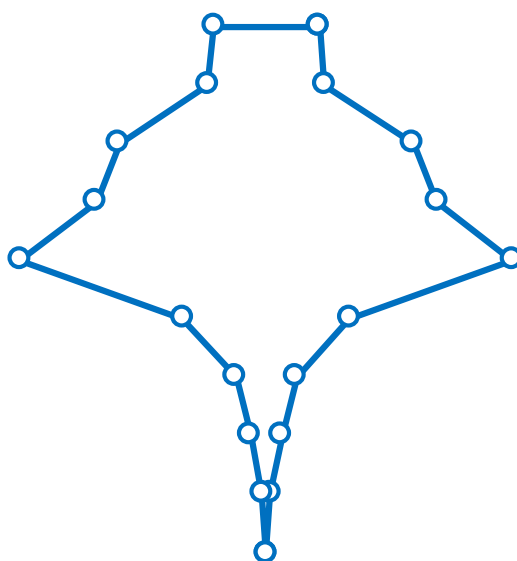
⁸ Использованы данные 3-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН. Подробнее см.: [Российское ..., 2016].

⁹ Использованы данные 8-й волны мониторинга ИС ФНИСЦ РАН (2018 г.). Дистанция в одну ступень (1 балл) — это наиболее вероятная дистанция продвижения в рамках восходящей социальной мобильности в современной России. Во всяком случае за последние 10 лет три четверти россиян либо не изменили свой субъективный статус, либо их перемещение по социальной лестнице, по их самооценке, не превышало одной ступени.

была очень мала (8,4%), и еще 7,3% хотели бы подняться на одну ступень социальной лестницы. Более 40% данной группы предпочли бы подняться не менее чем на четыре ступени. Схожие тенденции наблюдаются и у тех, кто поставил себя на 4-ю снизу ступень социальной лестницы, причем каждый

третий пожелал перескочить через четыре ступени и более. Желание подняться на 2–3 ступени социальной лестницы очень популярно во всех группах россиян (более 50% представителей соответствующих групп), даже у тех, кто находился на 7-й и 8-й ступенях.

Рисунок 4. Модель¹⁰ субъективной стратификации российского общества, построенная на основании оценок россиянами тех статусных позиций, которые положены им «по справедливости», 2018 г., %

Источник: данные ИС ФНИСЦ РАН¹¹.

С одной стороны, по данным всех исследований, субъективная стратификация в значительной степени отражает объективную картину распределения людей по вертикальной лестнице социальных статусов, а с другой — уровень притязаний влияет на оценки людьми своего статуса, в результате картина оказывается искажена как в кривом зеркале.

В России этот искажающий фактор не вызывает сомнений. На ситуацию повлияла и социализация большинства россиян еще в советский период, и отсутствие в общественном сознании в России системы признаков образа жизни и поведения представителей различных классов или слоев, веками складывавшейся в странах с рыночной экономикой.

¹⁰ Для построения модели привлечен графический тест самооценки социального статуса с десятибалльной вертикальной шкалой. По оси ординат (статусные позиции вертикально ориентированы) откладывались процентные значения численности выбравших соответствующий балл на шкале социального статуса, для придания фигуре симметрии их зеркально откладывали в область отрицательных значений. Строго говоря, после этого для сохранения пропорций модель должна была бы быть «сжата» по оси абсцисс вдвое, но для облегчения восприятия ее специфики мы не стали так делать.

¹¹ Использованы данные 8-й волны мониторинга ИС ФНИСЦ РАН (май 2018 г., $n = 4000$). Численные значения: 1 (верхняя статусная позиция) — 6,5%; 2 — 7,2%; 3 — 18,1%; 4 — 21,0%; 5 — 30,3%; 6 — 10,3%; 7 — 3,7%; 8 — 1,9%; 9 — 0,5%; 10 (нижняя статусная позиция) — 0,5%.

В результате главным маркером, определяющим статус в обществе, россияне считают материальное благосостояние. По мере роста благосостояния все более значимым становится образ жизни как признак статуса. Этот признак тоже говорит об уровне благосостояния, но характеризует его несколько иначе. Если при выборе критериев, на основе которых люди определяют свой статус в обществе, представители слоев с низкими доходами чаще упоминают просто материальное благосостояние («Мы ставим себя в общественной иерархии так низко, потому что у нас очень мало денег»), то представители слоев с высокими доходами говорят о материальном благосостоянии относительно реже, но чаще упоминают свой образ жизни

(«Мы ставим себя так высоко, так как можем себе позволить вести образ жизни, соответствующий наиболее благополучным слоям общества») (рис. 5). С середины 2000-х до середины 2010-х гг. заметно выросла роль образа жизни как основания для того, чтобы претендовать на определенную позицию в статусной иерархии, но роль материального благосостояния осталась неизменной. Это хорошо объясняется ростом благосостояния населения России в 2000-х — начале 2010 гг. в соответствии с теорией культурной динамики, описывающей процесс перехода от ценностей выживания к ценностям самовыражения по мере повышения уровня жизни населения [Инглхарт, Вельцель, 2011].

Рисунок 5. Динамика представлений россиян о том, чем они руководствуются, оценивая свой социальный статус, 2003–2014 гг., % от работающих (допускалось до трех ответов)

Источники: данные Института комплексных социальных исследований РАН (ИКСИ РАН) и Института социологии РАН (ИС РАН)¹².

¹² Использованы данные общероссийских репрезентативных исследований «Богатые и бедные в современной России» ИКСИ РАН (март 2003 г., $n = 2106$, подробнее см.: [Россия ..., 2004]) и «Средний класс в современной России» ИС РАН (февраль 2014 г., $n = 1900$, подробнее см.: [Средний ..., 2016]).

В то же время нельзя не отметить, что материальное положение — не единственный критерий, которым люди руководствуются при самооценке своего социального статуса. Кроме того, распространены такие критерии, как уважение окружающих, должность, престиж профессии. В развитых странах существуют традиционные основания статуса, связанные с высококачественным человеческим капиталом (уровень образования и уровень квалификации) и социальным капиталом в его сетевой трактовке (связи и знакомства), которые имеют большое значение в современной экономике. Для сравнения: в России респонденты относительно реже упоминают и то и другое в контексте оснований для определения своего социального статуса (даже представители верхних статусных позиций, у кого эти виды капитала обычно есть в достаточно большом объеме). Более того, если говорить о динамике самооценок факторов своего социального статуса, то с середины 2000-х до середины 2010-х гг. критерии благосостояния (материальная обеспеченность и образ жизни) стали играть заметно большую роль, тогда как ключевые для западных обществ факторы стратификации (образование, квалификация, должность, престиж профессии) остались на втором плане. К числу негативных тенденций, существующих в динамике объективной социальной структуры, надо отнести и придание все большего значения статусным характеристикам родительской семьи, заметное с середины 2000-х гг. Чем выше статусное положение человека, тем более значимы для него показатели, относящиеся к родительской семье, и данная тенденция только набирает обороты (табл. 1). В итоге «верхи» даже массовых слоев преимущественно состоят из выходцев из этих же слоев, по крайней мере в восприятии их представителей. То же относится и к «низам». Это говорит о консервации социальных статусов в рамках межгенерационной социальной мобильности и сокращении возможностей для последней. Таким образом, при анализе субъективной стратификации фиксируются эффекты «липкого потолка» и «липкого

пола» в межгенерационной перспективе, причем первый выражен даже сильнее, чем второй. Тот же эффект фиксируется и при анализе объективной социальной мобильности [Слободенюк, 2019; Тихонова, 2021], хотя если рассматривать только мобильность по доходам, то эффект «липкого пола» оказывается сравнительно выше [Mareeva, Slobodenyuk, 2020].

Если провести когортный анализ, то в последние годы минимальные показатели воспроизводства высокого социального статуса своих родителей зафиксированы у пожилых (старше 50 лет) представителей верхней части массовых слоев населения, а максимальные — у молодежи. С одной стороны, почти две трети представителей молодежи, занимающих четыре верхние ступеньки на лестнице социальных статусов, относят к «верхам» и своих родителей. Так проявляют себя развивающиеся тенденции: верхняя часть массовых слоев населения больше, чем раньше, самовоспроизводит себя, а социальные лифты закрываются. С другой стороны, именно среди молодежи лица, относящие себя к «низам», чаще говорят то же самое и о своих родителях. Таким образом, для «низов» также характерны высокие показатели самовоспроизводства. В результате социальная структура населения становится все более «закрытой», по крайней мере в восприятии граждан. Сложившаяся ситуация неизбежно будет вести к делегитимизации существующих в современной России неравенств в общественном сознании, первые признаки чего уже видны [Мареева, 2015; Mareeva, 2020; О чем мечтают..., 2013].

Таблица 1. Соотношение положения в обществе их родительской семьи и их собственного места в обществе на десятибалльной шкале социальных статусов, самооценки россиян: 2013–2019 гг., %

Родительские позиции	Собственные позиции					
	Верхние (1–4-я) ступени	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Нижние (9-я и 10-я) ступени
2013 ¹³						
Верхние (1–4-я) ступени	50	13	16	13	11	13
5-я ступень	13	30	9	10	10	13
6-я ступень	23	28	43	18	22	17
7-я ступень	9	16	17	33	17	17
8-я ступень	4	10	11	20	28	11
Нижние (9-я и 10-я) ступени	1	3	4	6	12	29
2018 ¹⁴						
Верхние (1–4-я) ступени	52	18	16	12	13	15
5-я ступень	21	45	19	17	19	22
6-я ступень	12	15	23	18	10	10
7-я ступень	8	12	22	28	13	13
8-я ступень	5	6	15	19	32	10
Нижние (9-я и 10-я) ступени	2	3	4	7	13	30
2019 ¹⁵						
Верхние (1–4-я) ступени	62	25	16	10	10	10
5-я ступень	12	45	9	9	9	7
6-я ступень	18	17	60	23	16	22
7-я ступень	6	7	7	38	11	12
8-я ступень	1	3	5	12	42	13
Нижние (9-я и 10-я) ступени	1	3	3	8	12	36

Источники: данные ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН¹⁶.

Итак, если говорить о специфике действия в России факторов субъективной самоидентификации своего статуса гражданами и особенностях статусных идентичностей в целом, то прежде всего стоит указать следующее:

- Отсутствуют устойчивые идентичности со средним классом, даже несмотря на склонность определять свое место в обществе как «среднее», что характерно как для россиян, как и для жителей других

¹³ Использованы данные общероссийского репрезентативного исследования «Бедность и бедные в современной России» (март 2014 г., $n = 1900$) ИС РАН. Подробнее см.: [Бедность..., 2014].

¹⁴ Использованы данные 8-й волны Мониторингового репрезентативного общероссийского исследования ИС ФНИСЦ РАН. Подробнее см. о нем [Российское..., 2017].

¹⁵ Использованы данные опроса, проведенного Левада-центром в январе 2019 г. ($n = 1626$).

¹⁶ Курсивом выделены ячейки с максимальными показателями в столбце, а зеленым фоном — те из них, где значения и в 2018 г., и в 2019 г. были выше, чем в 2013 г.

стран. Прямым следствием несформированности групповых идентичностей выступает аморфность российского среднего класса как актора социальных преобразований.

- В общественном сознании отсутствуют однозначные признаки престижности разных видов занятости, специфики образа жизни и поведения представителей различных классов и слоев. Соответственно, все большее значение придается материальному благосостоянию и образу жизни как детерминантам

социального статуса, одновременно принижается роль престижа профессии, должности, образования и других факторов, которые достаточно значимы для населения развитых стран. В результате главным маркером, определяющим статус в обществе, выступает материальное благосостояние.

- При определении статусных позиций человека становится более значимым статус родительской семьи, что говорит о нарастающей «закрытости» структуры российского общества.

2. Субъективная стратификация российского общества: модель и динамика

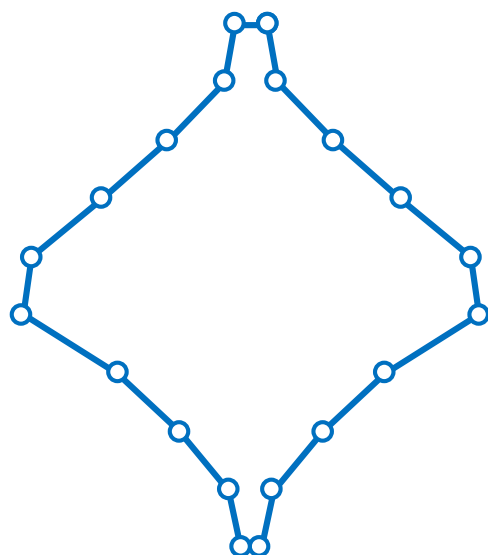
Учитывая сказанное выше об общих особенностях самоопределения своего статуса россиянами и общий масштаб влияния пандемии COVID-19 на различные стороны жизни, рассмотрим теперь, как за время коронакризиса изменилась модель субъективной стратификации современного российского общества. Как уже было сказано, наиболее показательный результат дает вертикальная десятибалльная графическая шкала, на которой респонденту надо отметить свое место в обществе. Этот инструмент давно и широко применяется в международных сравнительных исследованиях. В России его использование также началось достаточно давно (с 1992 г.), что позволяет проводить как динамический, так и кросс-национальный анализ. С помощью

получаемой на его основе шкалы можно построить модель субъективной стратификации общества, максимально свободную от семантических ассоциаций, конформистских установок и т.д.

В последние годы россияне¹⁷ чаще всего ставили себя на средние позиции в общественной иерархии (47,5% в 2018 г. и 46,7% в 2021 г.) (рис. 6, 7). Произошедшие за 2018–2021 гг. изменения оказались скорее позитивными, чем негативными. Так, среди лиц не старше 65 лет увеличилось число тех, кто относил себя к верхним четырем позициям социальной иерархии (с 18,8 до 28,6%). Одновременно с 33,7 до 24,7% сократилось число тех, кто ставил себя на четыре нижние ступени социальной лестницы.

¹⁷ Мы исключили из расчетов тех, кто на момент опросов был старше 65 лет, поскольку для них ситуация в период коронакризиса была нетипичной и это могло исказить результаты.

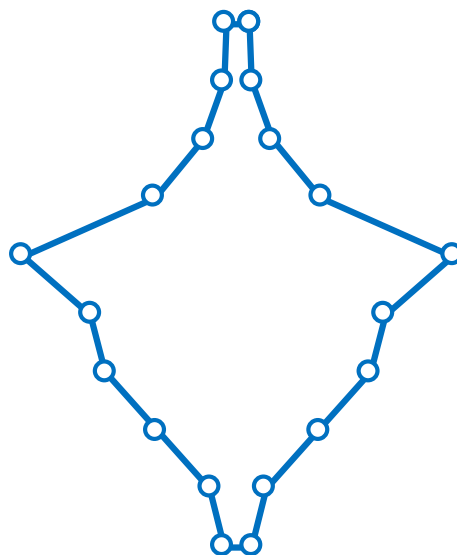
Рисунок 7. Модель субъективной стратификации массовых слоев российского общества, построенная на основе самооценок россиянами 18–65 лет своего статуса в обществе, 2021 г.

Источник: данные ИС ФНИСЦ РАН.

Итак, с точки зрения статусных самоидентификаций самих россиян, российское общество действительно является обществом массового субъективного среднего класса. Это отражает объективную стратификацию, где с большим перевесом доминируют средние слои, о чем свидетельствуют как модели его доходной стратификации [Модель..., 2018], так и стратификации по жизненным шансам [Anikin, Lezhnina, Mareeva et al., 2017]. Таким образом, в основе сформировавшейся субъективной модели стратификации лежат определенные объективные основания, а не только тяготение россиян к «серединным» позициям. Сохранение большинством населения устойчивой идентичности с «серединными» слоями важно. Как показало применение графического теста измерения субъективно-

Рисунок 6. Модель субъективной стратификации массовых слоев российского общества, построенная на основе самооценок россиянами 18–65 лет своего статуса в обществе, 2018 г.

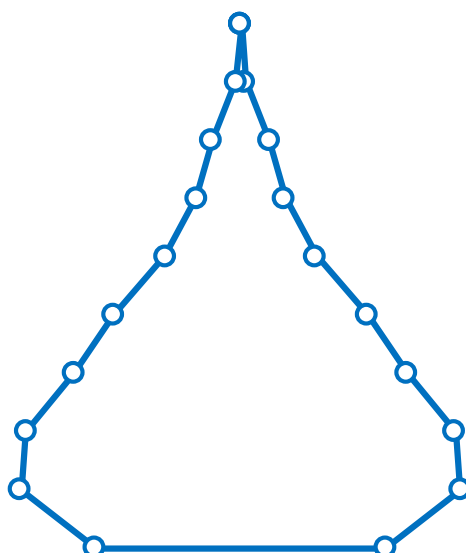

Источник: данные ИС ФНИСЦ РАН.

го статуса в более ранний период, за последние 30 лет тяготение к «середине» проявлялось далеко не всегда. Неоднократно бывали ситуации, когда приверженность к средним слоям заметно снижалась. Обычно это были периоды общественных трансформаций, когда уровень жизни населения падал глубоко, резко и, главное, безосновательно с точки зрения населения, что влекло за собой массовую статусную фрустрацию. Именно в такие периоды доля считающих себя представителями средних слоев сокращалась до значений ниже 50%. Так происходило еще до кризиса 1998–1999 гг.: модель субъективной стратификации российского общества имела куполообразную форму, и наиболее массовой была идентификация со второй снизу позицией (рис. 8).

Рисунок 8. Модель субъективной стратификации массовых слоев российского общества, построенная на основе самооценок россиянами своего статуса, 1998 г.

Источник: данные Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП)¹⁸.

Однако даже такая версия модели субъективной стратификации российского общества — это далеко не худший вариант. Так, после кризиса 1998–1999 гг. модель субъективной стратификации россиян приобрела совершенно невероятную форму, поскольку почти три четверти (73,7%) населения стали относить себя к социальным «низам», в том числе почти половина (44,6%) — к «социальному дну» (рис. 9).

Именно в сложный период после дефолта как никогда ранее стало наглядно деление массовых слоев российского общества на четыре крупные страты (рис. 9):

- субъективное «социальное дно» (две нижние позиции на лестнице социальных статусов), где тогда оказалось примерно 45% населения;
- представители субъективных «низов», но все же не «социального дна», поскольку представители этой группы ставят себя на третью снизу позицию из 10 возможных (летом 1999 г. порядка четверти населения);
- субъективный средний класс (каждый пятый): в условиях крайне тяжелой экономической обстановки статусная идентификация с четвертой-шестой статусными позициями в социальной иерархии означала реальную принадлежность к «ядру» этого класса, что подтверждал и анализ его состава [Средний ..., 1999];
- субъективный верхний средний класс (около 3%).

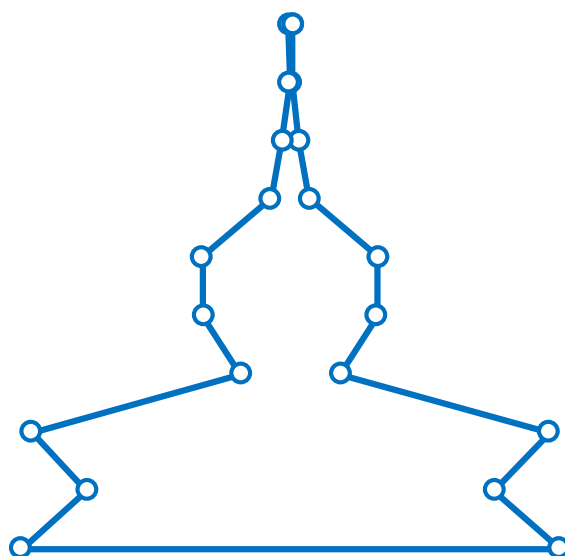
По мере выхода из кризиса 1998–1999 гг. картина субъективной стратификации рос-

¹⁸ Использованы данные общероссийского репрезентативного мониторингового исследования РНИСиНП (июнь 1998 г., $n = 1750$). Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1-я (высшая) позиция — 0%; 2-я позиция — 0,5%; 3-я позиция — 2,8%; 4-я позиция — 4,3%; 5-я позиция — 7,3%; 6-я позиция — 12,4%; 7-я позиция — 16,3%; 8-я позиция — 20,9%; 9-я позиция — 21,4%; 10-я (низшая) позиция — 14,1%.

сийского населения заметно улучшилась. Однако и в 2000 г. для населения в целом типичной была самоидентификация скорее с «низами», чем с субъективным средним классом, модальной была третья снизу позиция

(рис. 10). Лишь пятая часть населения страны находилась на срединных пятой и шестой позициях, а на верхних четырех ступенях — считанные проценты.

Рисунок 9. Модель субъективной стратификации массовых слоев российского общества, построенная на основе самооценок россиянами своего статуса, 1999 г.

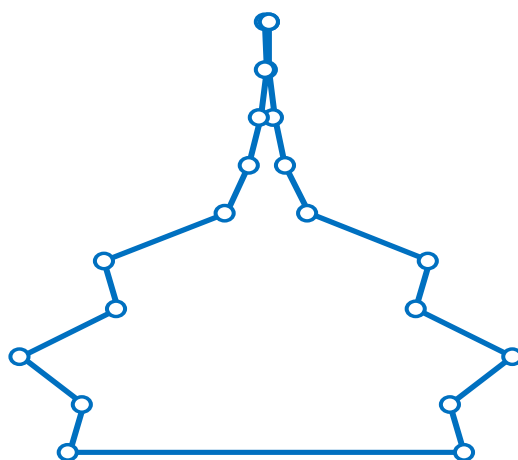
Источник: данные РНИСиНП¹⁹.

В первые годы путинской эпохи тенденция все более позитивного восприятия своего места в обществе получила дальнейшее развитие. Уже к 2003 г. на две срединные (5–6-ю) позиции себя ставили около 30%, т.е.

в полтора раза больше, чем за три года до этого, а к «социальному дну» тяготела лишь пятая часть населения (рис. 11). Однако наиболее частый выбор — третья снизу ступень социальной лестницы.

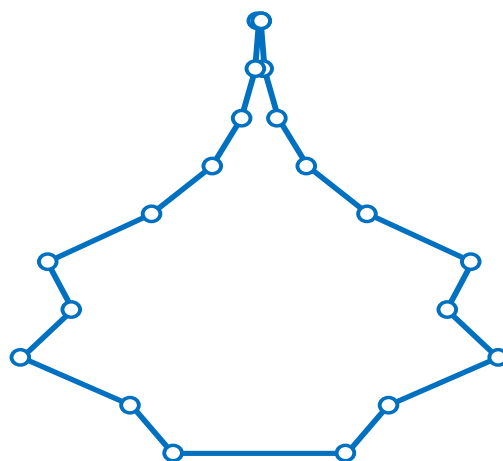
¹⁹ Использованы данные общероссийского репрезентативного мониторингового исследования РНИСиНП (июнь 1999 г., $n = 1751$). Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1-я (высшая) позиция — 0,2%; 2-я позиция — 0,1%; 3-я позиция — 0,8%; 4-я позиция — 1,8%; 5-я позиция — 8,3%; 6-я позиция — 8,2%; 7-я позиция — 4,7%; 8-я позиция — 24,4%; 9-я позиция — 19,2%; 10-я (низшая) позиция — 25,4%.

Рисунок 10. Модель субъективной стратификации массовых слоев российского общества, построенная на основе самооценок россиянами своего статуса, 2000 г.

Источник: данные ИКСИ РАН²⁰.

Рисунок 11. Модель субъективной стратификации массовых слоев российского общества, построенная на основе самооценок россиянами своего статуса, 2003 г.

Источник: данные ИКСИ РАН²¹.

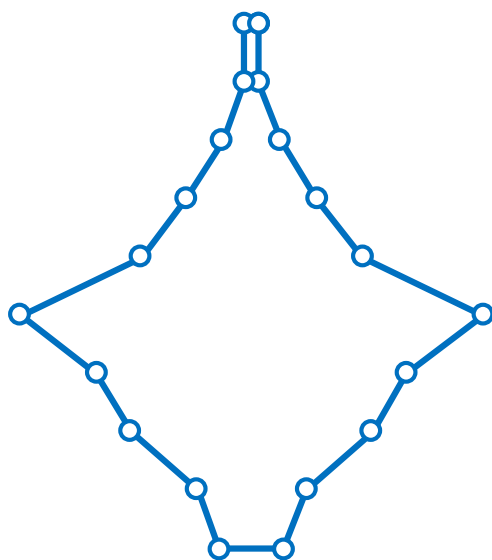
²⁰ Использованы данные общероссийского репрезентативного исследования ИКСИ РАН «Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на XXI век» (март 2000 г., $n = 1776$). Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1-я (высшая) позиция — 0,2%; 2-я позиция — 0,1%; 3-я позиция — 0,7%; 4-я позиция — 1,8%; 5-я позиция — 4,1%; 6-я позиция — 16,1%; 7-я позиция — 14,8%; 8-я позиция — 24,4%; 9-я позиция — 18,2%; 10-я (низшая) позиция — 19,6%.

²¹ Использованы данные общероссийского репрезентативного исследования ИКСИ РАН «Богатые и бедные в современной России» (март 2003 г., $n = 2106$, подробнее см.: [Россия ..., 2004]). Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1-я (высшая) позиция — 0,1%; 2-я позиция — 0,4%; 3-я позиция — 1,7%; 4-я позиция — 4,6%; 5-я позиция — 10,4%; 6-я позиция — 20,4%; 7-я позиция — 18,1%; 8-я позиция — 23,0%; 9-я позиция — 12,4%; 10-я (низшая) позиция — 8,3%.

Не менее интересна и динамика модели субъективной стратификации российского общества в последующие периоды путинской эпохи, многое объясняющая в отношении населения к президенту и в сохранении стабильности, даже несмотря на падение уровня жизни в годы экономических кризисов. Сначала, перед кризисом 2008–2009 гг., модель субъективной стратификации массовых слоев значительно улучшилась: ей были присущи все особенности этих моделей в обществах массового субъективного среднего класса, хотя и с доминированием

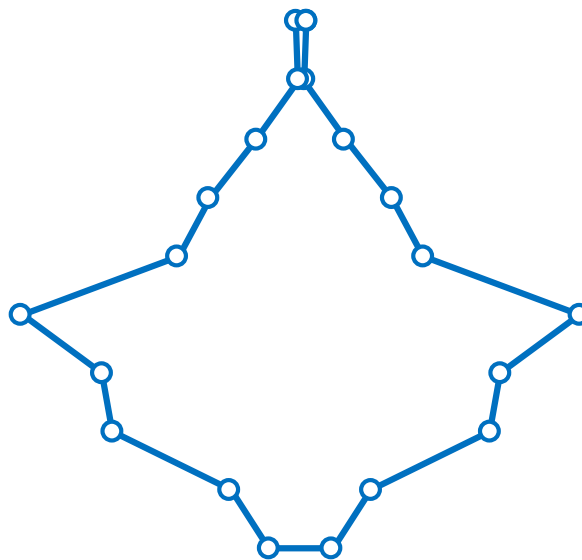
нижнего сегмента этой социальной группы. Наиболее многочисленными оказались те, кто поставил себя на пятую снизу позицию, при этом достаточно редко люди считали себя представителями «социального дна», т.е. ставили себя на две нижние ступени социальной лестницы (рис. 12). Кризис 2008–2009 гг. заметно ударил по оценкам россиянами своего статуса, однако эти изменения были очень непродолжительными, и уже к началу 2010-х гг. модель субъективной социальной структуры стала почти такой же, как в предкризисный период (рис. 13).

Рисунок 12. Модель субъективной стратификации российского общества, построенная на основе самооценок россиянами своего статуса, 2008 г.

Источник: данные ИС РАН²².

Рисунок 13. Модель субъективной стратификации российского общества, построенная на основе самооценок россиянами своего статуса, 2010 г.

Источник: данные ИС РАН²³.

²² Использованы данные общероссийского репрезентативного исследования ИС РАН «Малообеспеченные в современной России» (март 2008 г., N=1750). Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1 (высшая) позиция — 0,9%; 2 позиция — 0,9%; 3 позиция — 3,6%; 4 позиция — 8,0%; 5 позиция — 13,6%; 6 позиция — 28,4%; 7 позиция — 19,0%; 8 позиция — 14,8%; 9 позиция — 6,7%; 10 (низшая) позиция — 4,0%.

²³ Использованы данные общероссийского репрезентативного исследования ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (март 2010 г., N=1734). Подробнее см. о нем: [Готово ли..., 2010]. Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1 (высшая) позиция — 0,5%; 2 позиция — 0,3%; 3 позиция — 4,3%; 4 позиция — 8,8%; 5 позиция — 11,8%; 6 позиция — 26,9%; 7 позиция — 19,2%; 8 позиция — 18,2%; 9 позиция — 6,8%; 10 (низшая) позиция — 3,1%.

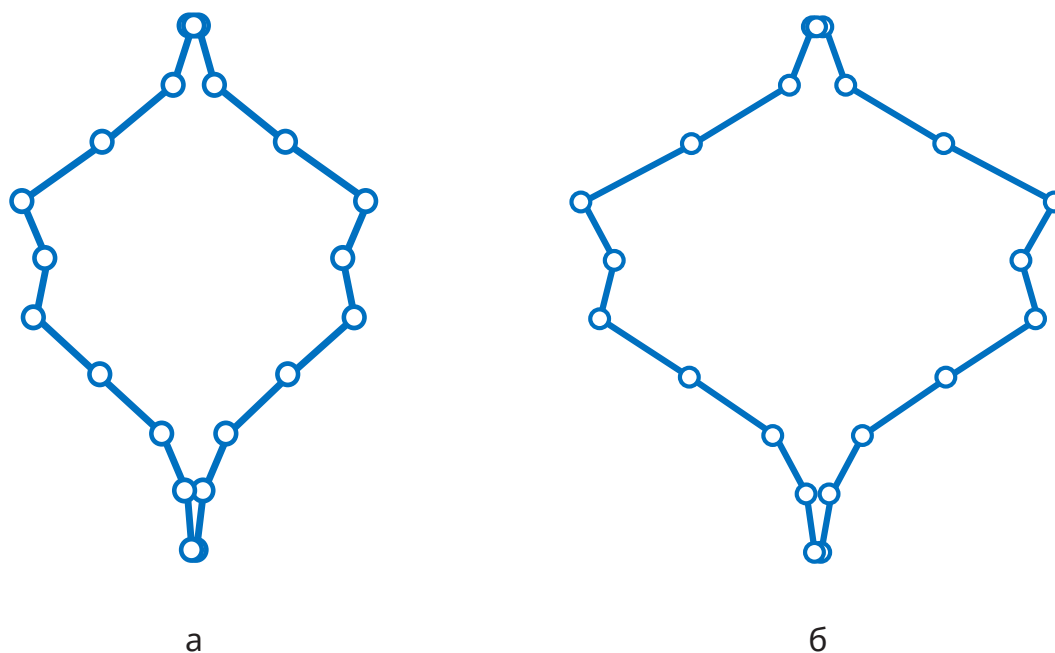
Следующий экономический кризис (2014–2016 гг.) повлиял на модель субъективной стратификации российского общества еще меньше, чем кризис 2008–2009 гг. К осени 2015 г., т.е. спустя год после начала последнего экономического кризиса, общие контуры модели очень мало отличались от тех, что были характерны для нее до начала кризиса.

Более того, весной 2018 г., после довольно длительного периода падения реальных доходов населения, модель субъективной стратификации российского общества выглядела вполне благополучно (см. рис. 7) и напоминала ситуацию весной 2008 г. (рис. 12), т.е. после нескольких лет быстрого экономического роста и увеличения доходов населения в разы. Такая динамика свидетельствует о том, что к концу 2000-х гг. эта модель приобрела устойчивый характер. Кроме того, как свидетельствуют данные 2008–2021 гг., безусловное большинство россиян уже более 10 лет не считают себя социальными аутсайдерами, и на их самоощущение своего социального статуса как благополучного мало влияет резкое ухудшение ситуации в экономике или изменение собственного материального положения. Все это позволяет уверенно охарактеризовать российское общество как общество массового субъективного среднего класса. Если сравнивать с другими странами, то модель субъективной стратификации российского общества все еще далека от аналогов в развитых странах, например в Германии (рис. 14, а). В развитых странах средний балл самооценки своего социального статуса в моделях субъективной стратификации выше, чем характерный для современной России. Если для являющейся типичным примером Германии характерна концентрация наибольшей доли граждан на верхних позициях, то в России на этих ступенях социальной лестницы гораздо меньше граждан. Так, на верхние четыре позиции

в Германии, по данным ISSP 2019–2020 гг., поставили себя 39,4%, для сравнения: 7,9% в России. Более того, этот показатель в нашей стране даже хуже, чем в странах Восточной Европы. Например, в Чехии он составлял 34,6% (рис. 14, б). Даже если исключить из рассмотрения население старше 65 лет, склонное обычно низко оценивать свой социальный статус, чего нет в Европе, то в России доля ставящих себя на верхние четыре ступени социальной лестницы все равно будет заметно ниже, чем в Германии или Чехии (28,6% по состоянию на 2021 г.²⁴). Такая разница между моделями субъективной социальной структуры естественна и обуславливается различиями по уровню развития и устойчивости экономики России и Германии, что влияет и на профессиональную структуру, и на уровень благосостояния граждан, и на их ощущение своего места в обществе. В результате и о России, и о Германии можно говорить как об обществах массового субъективного среднего класса, но Германия — это общество собственно среднего и верхнего среднего классов, а Россия — нижнего среднего.

²⁴ Данные 12-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН.

Рисунок 14. Модель субъективной стратификации, построенная на основе самооценок респондентами своего статуса: а — Германия²⁵; б — Чехия²⁶

Источник: ISSP-2019/2020.

3. Видение населением модели стратификации российского общества: желаемое и реальность

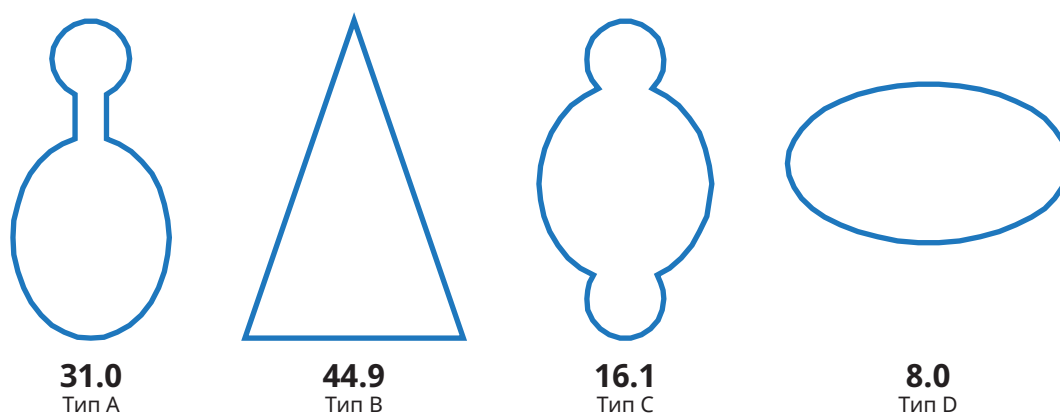
Согласно доминирующему среди населения мнению, модель социальной структуры российского общества такова, что большинство его граждан сосредоточено на нижних ступенях социальной лестницы (рис. 15, тип В). На втором месте по популярности оказывается модель, для которой характерен разрыв между «верхами» и «низами», они существуют в почти не пересекающихся мирах, причем «верхушка» общества очень немногочисленна, а подавляющее большинство населения сосредоточено в нижней части социальной лестницы (тип А). Как общество массового среднего класса с относительно

немногочисленными «верхами» и «низами» (тип С) российское общество при выборе из четырех предложенных моделей характеризуют только 16,1% россиян, а как общество социальной однородности, где социальное неравенство незначительно (тип D), — лишь 8,0%.

²⁵ Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1 (высшая) позиция — 0,6%; 2 позиция — 2,8%; 3 позиция — 12,5%; 4 позиция — 23,5%; 5 позиция — 20,2%; 6 позиция — 21,7%; 7 позиция — 12,8%; 8 позиция — 4,4%; 9 позиция — 1,2%; 10 (низшая) позиция — 0,3%.

²⁶ Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1 (высшая) позиция — 0,9%; 2 позиция — 2,7%; 3 позиция — 9,0%; 4 позиция — 22,0%; 5 позиция — 17,1%; 6 позиция — 28,0%; 7 позиция — 10,7%; 8 позиция — 6,4%; 9 позиция — 1,9%; 10 (низшая) позиция — 1,2%.

Рисунок 15. Модель современного российского общества в представлениях россиян, 2018 г., %

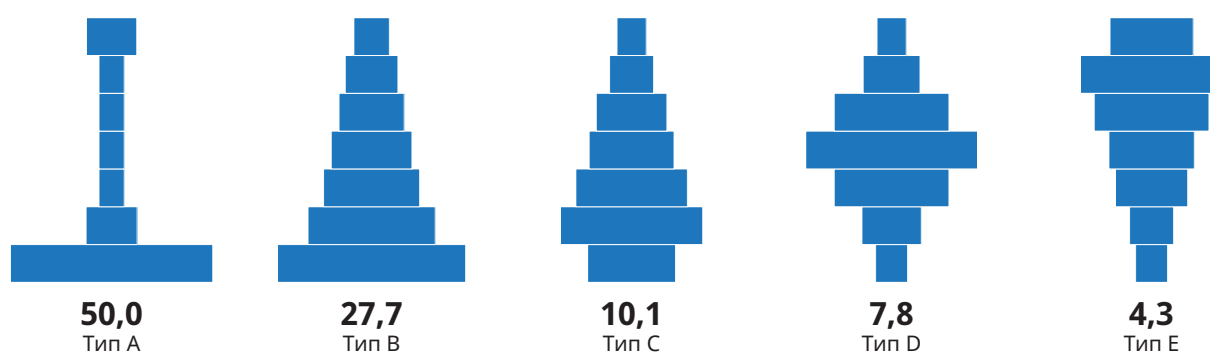

Источник: данные ИС ФНИСЦ РАН.

Если детализировать возможные модели стратификации обществ с концентрацией основной массы населения на нижних позициях, то картина того, как население страны видит социальную структуру общества, оказывается еще драматичнее, чем может показаться на основании данных рис. 16. Более трех четвертей россиян выбирают модели, где основная масса граждан сосре-

доточена на нижней ступени социальной лестницы. Еще по мнению каждого десятого наибольшая часть граждан сосредоточена на второй снизу ступени. Лишь 7,8% видят современное российское общество как общество массового среднего класса, и только 4,3% считают, что граждане в основном сосредоточены скорее на верхних, чем на нижних статусных позициях (рис. 16).

Рисунок 16. Модель современного российского общества в представлениях россиян, 2019 г., %

Источник: опрос Левада-центра.

Хотя население страны считает, что российское общество состоит в основном из «низов», но тревогу вызывает другое явление. Если человек относит себя к слоям чуть ниже среднего (а выше было показано, что

россияне чаще всего именно так оценивают свой статус), но при этом убежден, что многие находятся ниже него, то он не особенно остро переживает свой сравнительно низкий статус. Об этом свидетельствуют

данные об удовлетворенности россиян собственным статусом: так, лишь каждый одиннадцатый россиянин оценивал весной 2021 г. свой статус в обществе как плохой, а каждый четвертый — как хороший²⁷. Примерно также выглядела картина удовлетворенности россиян своим социальным статусом и весной 2018 г., когда бесспорная удовлетворенность статусом также превалировала над неудовлетворенностью им (свой статус в обществе как хороший оценивали тогда 26,4% россиян, как плохой — 8,5%). Таким образом, основная проблема с представлениями россиян о сложившейся в России модели социальной структуры заключается не в том, что россияне массово рассматривают российское общество как общество «социальных низов». Пока подавляющее большинство населения не относит себя к социальным аутсайдерам, распространенность таких взглядов не представляет опасности для социально-политической стабильности. Гораздо более серьезной проблемой выступает распространенность представлений о социальной структуре российского общества как такой, где небольшая «верхушка» далеко оторвалась от практически всего населения и они существуют как параллельные миры, не связанные между собой (см. модель А на рис. 16 и 17). Противопоставление «верхов» и «народа» создает идеологическую базу для социальной напряженности, поскольку противоречит представлениям россиян о должном и справедливом, которые устойчиво сохраняются в обществе [О чем мечтают..., 2013: 54–74; Мареева, 2015; «Идеальное общество»..., 2016: 152–174]. Очень важно и быстрое изменение численности сторонников драматического разрыва структуры российского общества в последнее время. На протяжении 20 лет их доля довольно стабильно держалась на уровне 31–32%, а возрастной, профессиональный

и образовательный составы были практически идентичны составу населения в целом. Отличия состояли в том, что приверженцев разрыва было чуть больше в столицах и областных центрах; кроме того, среди них было немного больше выходцев из семей, где оба родителя имели высшее образование²⁸. Однако в 2019 г. эта устойчивость очень резко обрушилась: рассматриваемое мнение стала разделять половина взрослого населения страны. Это говорит о быстрой делегитимизации существующей модели социальной структуры российского общества в общественном сознании. Такие взгляды наиболее распространены среди людей, ставящих себя на четыре нижние ступени социальной лестницы (60,4%, для сравнения: среди находящихся на трех верхних ступенях — 36,2%). На популярность мнения сильно влияет также место жительства (среди жителей Москвы 69,3%, а среди жителей сел — 54,8%). Выше вероятность, что выберут именно эту модель, если есть такие факторы, как средний или старший возраст, высокое качество человеческого капитала, средние или относительно высокие среднедушевые доходы, первичная социализация в семьях, где один из родителей был специалистом с высшим образованием или руководителем. Изложенное выше показывает, что нелегитимность сложившейся модели стратификации российского общества постепенно показывает тенденцию к определенной локализации. Сейчас она характеризует прежде всего мировосприятие достаточно благополучных, образованных граждан, происходящих по меньшей мере из средних слоев, недовольных своим нынешним местом в сложившейся социальной иерархии. Такой портрет этой группы заставляет вспомнить о туннельном эффекте. Как утверждает А. Хиршман [Hirschman, Rothschild, 1973], туннельный эффект заклю-

²⁷ Остальные оценивали его как удовлетворительный. Данные мониторингового исследования ИС ФНИСЦ РАН.

²⁸ При анализе учитывался возраст, профессиональный статус, место жительства, социальное происхождение, уровень дохода, образование, характер влияния на положение человека экономического кризиса 2014–2016 гг. и ряд других показателей.

чается в том, что возможности восходящей социальной мобильности, существующие в обществе, повышают толерантность населения к неравенству вообще²⁹. В 2010-е гг. в России стала намного меньше доля тех, кто отмечает сравнительно лучшие возможности для ведения бизнеса, профессионального роста и карьеры. Одновременно увеличилась доля тех, кто фиксирует ухудшение ситуации в этих областях [Мареева, Тихонова, 2016], — классическая ситуация отсутствия туннельного эффекта. Фоном для негативных тенденций выступает падение реальных доходов населения, в том числе у тех групп, которые традиционно принято относить к среднему классу. Это повышает нетерпимость россиян к сложившейся системе нелегитимного и избыточного неравенства.

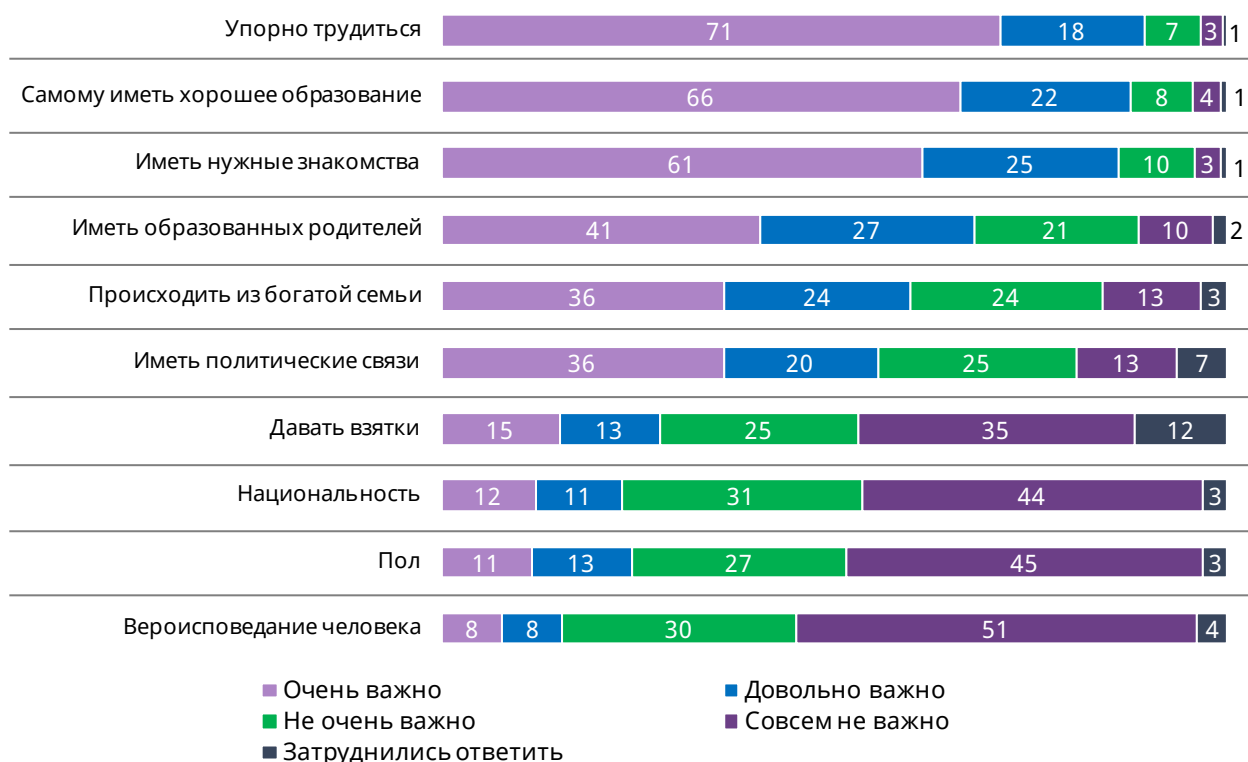
Усилению недовольства россиян сложившейся ситуацией содействует динамика их представлений о том, что определяет успех в современном российском обществе. С точки зрения граждан, успех и благополучие по-прежнему обеспечивают прежде всего упорный труд и хорошее образование, однако нужные знакомства или особенности социального происхождения также имеют огромное значение (рис. 18). Если же учесть факторы «иметь нужные знакомства» и «иметь политические связи» вместе, то на первое место по значимости («очень важно») с большим отрывом выходит именно социальный капитал человека. Если взять характеристики, относящиеся к родительской семье (материальное положение и образование), то вторым по значимости фактором успеха оказывается социальное происхождение, а не упорный труд и хо-

рошее собственное образование. За последние годы резко выросла роль связей и социального происхождения. Так, в 2013 г. 47,7% считали, что для успеха в жизни очень важно иметь нужные знакомства, а 21,5% — иметь политические связи³⁰. В 2019 г. эти показатели выросли до 60,9 и 35,9% соответственно. То же относится и к характеристикам родительской семьи. Если в 2013 г. 26,9% считали, что для преуспевания в жизни нужно происходить из богатой семьи, а по мнению 23,9% — из семьи образованных родителей, то к 2019 г. соответствующие показатели составили 36,0 и 40,5% соответственно. Относительно более быстрыми темпами росла роль политических связей, а не просто связей, и культурного уровня семьи, а не ее материального благополучия. Учитывая неозакарпатский характер российского общества [Шкаратан, 2015], механизм передачи привилегированных социальных позиций за счет использования культурного и социального капитала [Бурдые, 2002], можно сказать, что население все больше осознает, что закрываются каналы социальной мобильности, и вполне адекватно понимает причины этого.

²⁹ Этот эффект А. Хиршман описывает через аналогию с автомобильной пробкой в туннеле. Участников пробки раздражает, если в пробке не движется ни один из потоков. Если же машины начинают двигаться хотя бы в одной полосе, то даже те, кто находятся в другой полосе и сами еще не начали движение вперед, начинают чувствовать себя намного лучше в силу надежды, что скоро и их ситуация изменится. Таким образом, положительные изменения в положении окружающих стимулируют оптимистические ожидания и повышают тем самым толерантность к сложившейся ситуации. Но если эти ожидания не оправдываются (в аналогии с туннелем — продолжает двигаться только одна полоса движения), население начинает подозревать нарушения «правил игры», их несправедливость.

³⁰ Использованы данные исследования ИС РАН «Бедность и бедные в современной России» (март 2013 г., $n = 1900$). Подробнее см.: [Бедность ..., 2014].

Рисунок 17. Представления россиян о том, что помогает добиться благополучия и успеха в жизни в современном российском обществе, 2019 г. (ранжирование по сумме значений «очень важно» и «довольно важно»), %

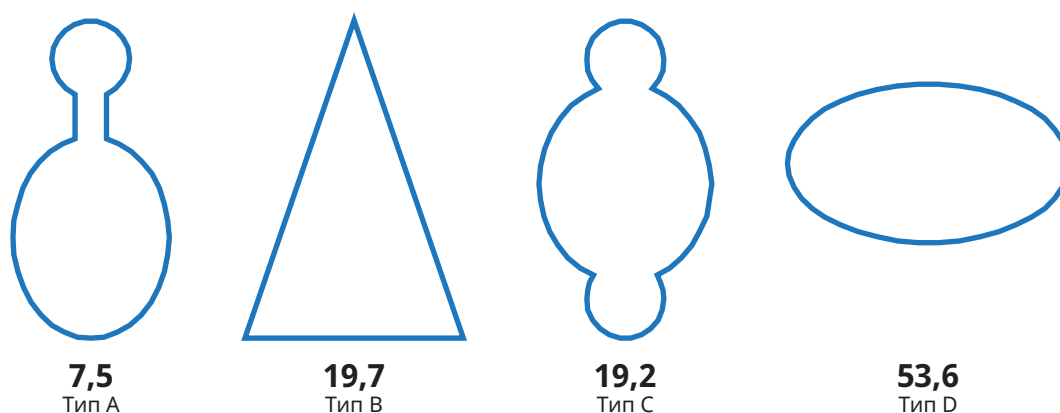

Источник: опрос Левада-центра.

Мы видим постепенное угасание туннельного эффекта и динамику представлений россиян о том, что влияет на достижение успеха в жизни. Не вызывает удивления и то, что модель общества, где очень многочисленные «низы», не имеющие политических связей и богатых и образованных родителей, противостоят очень далекой «верхушке», приобретает все больше сторонников.

Меняются и взгляды на оптимальную модель стратификации российского общества. Почти 30 лет мы наблюдали за изменением общественного сознания в этой области и можем отметить, что около 60% населения страны выбирало как идеальные модели стратификации, предполагающие глубокое социальное неравенство (первые три модели на рис. 18). Однако буквально в последние несколько лет произошел качественный перелом.

Рисунок 18. Оптимальная для современного российского общества модель стратификации в представлениях россиян, 2018 г., %

Источник: данные ИС ФНИСЦ РАН.

Сейчас наиболее популярной идеальной моделью стало общество социальной однородности: как оптимальную для России ее воспринимают свыше половины (53,6%) россиян. Это свидетельствует об очень серьезных изменениях во взглядах. Фактически толерантность к предполагающим глубокое социальное неравенство моделям социальной структуры сохранялась довольно долго, в том числе в тяжелейшие 1990-е гг. и во время глобального кризиса 2008–2009 гг. Однако к середине 2010-х гг. запас терпения подошел к концу, и сейчас большинство россиян оказались сторонниками общества социальной однородности. Тенденция прослеживается и среди россиян, у которых заведомо нет ностальгии по собственной молодости, потому что они выросли в постсоветский период. Кроме того, именно в последние годы в общественном сознании произошел еще один чрезвычайно важный скачок: впервые в новейшей истории страны перестала быть доминирующей нормой приоритетности интересов государства по отношению к правам человека [Тихонова, 2018б]. Все это говорит о том, что в сознании россиян происходят очень серьезные

сдвиги, значимые по своим масштабам, глубине и социально-политическим последствиям.

Как идеальную для России модель общества социальной однородности выбирают примерно те же по составу люди, что и население в целом, и сколько-нибудь существенных отличий между ними не выявлено³¹. Отсутствие дифференциации сторонников общества социальной однородности с остальными гражданами говорит о том, что их становится больше в результате имманентных и глубинных процессов эволюции самого общественного сознания, повлиять на которые чрезвычайно сложно, а не по причине каких-то сиюминутных воздействий или объективных особенностей их положения.

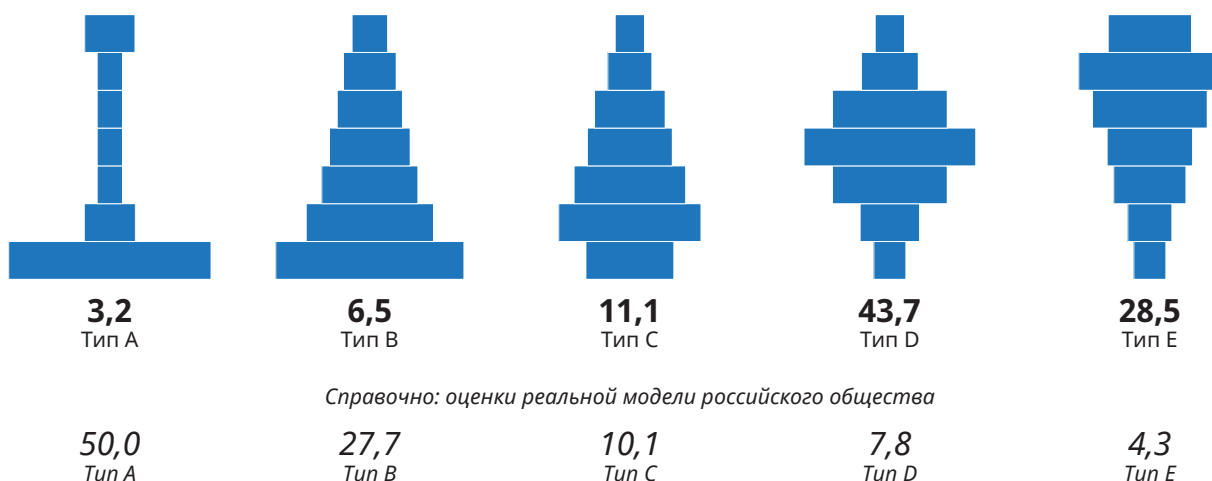
Однако в обществе социальной однородности возможны разные внутренние структуры, могут доминировать различные социальные слои. Если используется набор альтернативных оптимальных моделей стратификации, отличающийся от тех, что на рис. 18, то наиболее популярным оказывается вариант с безусловным доминированием «среднего-среднего» класса, а на

³¹ При анализе учитывались возраст, профессиональный статус, место жительства, социальное происхождение, уровень дохода, образование, характер влияния экономического кризиса 2014–2016 гг. на положение человека и ряд других показателей.

втором месте оказывается модель с доминированием слоев выше среднего (рис. 19). Это означает, что для россиян по-прежнему характерно тяготение к «серединным» по-

зициям в социальной иерархии, но допустимая глубина дифференциации самих позиций резко сократилась.

Рисунок 19. Оптимальная для современного российского общества модель стратификации в представлениях россиян, 2019 г., %

Источник: опрос Левада-центра.

Судя по результатам корреляционного анализа, представления о реальной и идеальной моделях структуры российского общества очень слабо связаны между собой. Практически нет корреляции между представлениями об идеальной и реальной моделях структуры российского общества, с одной стороны, и их собственным социальным статусом или удовлетворенностью им — с другой. Модель общества социальной однородности (тип D) как идеальную для России выбирают 51,4% тех, кто оценивает свой статус как хороший, и 56,8% тех, кто считает его плохим. «Пирамидальную» модель (тип B) или модель с противостоянием «верхушки» и «масс» (тип A) как характеризующие реальную ситуацию в стране выбирают 71,1% первых и 78,9% вторых. Если перейти на уровень оценки их собственной ситуации, сравнить показатели удовлетворенности своим социальным статусом и оценки этого статуса, то можно констатировать, что определение человеком своего места в статусной иерархии и удовлетво-

ность этим местом связаны между собой довольно тесно (табл. 2). Об этом же говорит коэффициент Спирмена (0,357).

Таблица 2. Удовлетворенность своим местом в обществе у представителей разных позиций на социальной лестнице, 2018 г., %

Степень	Оценка своего статуса (места в обществе)		
	Хороший	Удовлетворительный	Плохой
Верхние (1–4-я) ступени	52,8	42,7	4,5
5-я ступень	33,9	62,3	3,8
6-я ступень	19,4	73,9	6,7
7-я ступень	12,9	76,8	10,3
8-я ступень	10,0	69,7	20,3
Нижние (9-я и 10-я) ступени	7,6	72,5	19,9
Население в целом	26,4	65,1	8,5

Источник: данные ИС ФНИСЦ РАН³².

Однозначно довольны своим статусом, как правило, те, кто ставит себя на четыре верхние ступени на социальной лестнице, а остальные оценивают его лишь как удовлетворительный. Как уже отмечалось выше, россияне в массе своей считают несправедливыми занимаемые ими в статусной иерархии позиции, и при определении своего места в статусной иерархии «по справедливости» наибольшей популярностью (30,3%) пользуется пятая сверху ступень социальной лестницы (см. рис. 4), отражающая как их традиционное стремление быть «не хуже других», так и тяготение к выравниванию по среднему, о котором как о характерной особенности субъективной стратификации во всех странах говорилось в начале нашей работы.

Представления россиян о справедливом для них лично социальном статусе определяют следующие факторы (в порядке убывания значимости³³):

- самооценка человеком своего нынешнего статуса и статуса своих родителей;

- наличие у него достижительных мотиваций (желание хорошо зарабатывать, иметь престижную и интересную работу, получить хорошее образование, сделать карьеру и т.п.);
- качество человеческого капитала (число лет обучения, навыки работы в цифровой среде, уровень полученного образования);
- культурный капитал (образование родителей, прежде всего отца);
- профессиональный статус и т.д.

При этом молодежь имеет несколько более высокие запросы в этой области, чем россияне в целом, а старшие поколения характеризуются более низкими, чем в среднем, запросами (табл. 3).

³² Зеленым фоном выделены ячейки, показатели в которых превышают 50%, т.е. типичны для соответствующей позиции.

³³ Рассчитано с использованием метода Tree Select в подпрограмме Chaid программы SPSS. Подпрограмма Chaid (Chi-square automatic interaction detection) является одной из разновидностей регрессионного анализа. Обычно она применяется для эффективного поиска взаимосвязи между большим числом переменных, а также для построения деревьев классификации, позволяющих находить сочетания признаков, в наибольшей степени влияющих на целевую переменную. В данном случае использовалась первая функция данной программы.

Таблица 3. Статусная позиция на социальной лестнице, на которой считают для себя справедливым находиться представители разных возрастных групп, 2021 г., %

Статусная позиция	Возрастная группа, лет		Россияне 18–65 лет в целом
	18–35	35–65	
Верхняя	15,2	10,0	13,3
2-я	14,4	11,1	13,2
3-я	24,8	22,6	24,0
4-я	18,0	20,4	18,9
5-я	11,4	16,0	13,1
6-я	9,7	11,4	10,4
7-я	3,5	4,3	3,8
8-я	1,7	2,5	2,0
9-я	0,8	0,8	0,8
Нижняя	0,5	0,7	0,6

Источник: данные ИС ФНИСЦ РАН³⁴.

Подводя итоги анализа того, как население видит сложившуюся модель социальной структуры российского общества, отметим: в массе своей люди все чаще считают, что большинство населения сосредоточено в нижних слоях общества, причем эти «низы» и «верхи» разделяет пропасть. В качестве идеальной же модели стратификации выступает сейчас модель общества социальной однородности, где основная масса населения сосредоточена в середине социальной иерархии. Это принципиально отличает нынешнюю ситуацию от характерной для всего периода новейшей истории, когда большинство считало оптимальными для нашей страны различные модели, предполагающие глубокую социальную дифференциацию.

В основе динамики представлений населения о желаемой модели структуры общества — снижение роли усилий самого человека (его труда, полученного им образования и т.д.) в достижении жизненного успеха в современной России, хотя только

связанные с собственными усилиями человека виды неравенства являются для россиян легитимными. На фоне длительного падения реальных доходов увеличивается значимость экономических возможностей родительской семьи и неправовых практик (дача взяток, использование связей, политического капитала) в достижении личного успеха. В такой ситуации наша страна оказывается все дальше не только от идеала общества равных возможностей и воздаяния в соответствии с индивидуальными заслугами, как предполагает идеальная для подавляющего большинства населения модель общества, но даже от общества, характеризующегося социально-политической стабильностью и устойчивым развитием.

³⁴ Вопрос в анкете звучал следующим образом: «Отметьте, пожалуйста, на шкале ниже то место, которое положено вам в этой вертикальной иерархии по справедливости». Зеленым фоном в таблице выделены ячейки, значения в которых различаются для разных возрастных групп не менее чем на 3%.

Заключение

За последние полтора десятилетия в субъективной социальной структуре российского общества произошли кардинальные изменения: большинство россиян перестало считать себя социальными аутсайдерами, а для самого общества стал характерен массовый нижний средний класс. Это принципиально отличает субъективную стратификацию в современной России, с одной стороны, от ситуации в 1990-х и начале 2000-х гг., а с другой — от моделей субъективной стратификации в развитых странах, где устойчиво доминирует не нижний средний, а собственно средний и верхний средний классы. Эти особенности социальной структуры российского общества практически не меняются даже в случае резкого ухудшения ситуации в экономике.

Второй характерной особенностью модели субъективной стратификации является отсутствие у граждан устойчивых идентичностей со средним классом, даже несмотря на характерное тяготение к определению своего места в обществе как «среднего». Прямым следствием этой несформированности групповых идентичностей выступает аморфность российского среднего класса как актора социальных преобразований. Третьей характерной особенностью выступает приращение материальному благосостоянию все большей роли в определении социального статуса. Одновременно утрачивают свой вес в этом плане престиж профессии, должности, образование и другие факторы, значимые в развитых обществах современного типа. В результате главными маркерами, определяющими статус в обществе, выступают материальное благосостояние и образ жизни. Именно поэтому по мере роста уровня благосостояния в 2000-х гг. самооощущение гражданами своего статуса в обществе заметно улучшилось, хотя в России, как и раньше, по-прежнему сохра-

няется общество смещенных вниз статусных позиций.

Изложенное выше не означает, что граждане не удовлетворены сложившейся моделью стратификации: все годы реформ россияне воспринимают социальную структуру российского общества как далекую от оптимальной, и разрыв между ее желаемой и реальной моделями все увеличивается. Это не удивительно в условиях, когда статусная позиция человека все больше зависит от статуса родительской семьи и связей, прежде всего политических, а не от усилий самого человека, что россияне хорошо осознают. Фактически верхние и нижние слои населения постепенно замыкаются в себе и все больше самовоспроизводят себя³⁵. В результате по отношению к населению в целом быстрее происходит поляризация молодежных возрастных когорт и постепенно ухудшается самооощущение их представителями своего статуса в обществе. Социальные лифты все больше тормозят, хотя и не останавливаются пока, растет поляризация молодежи. И то, и другое — опасные по своим социально-политическим и экономическим последствиям тенденции, уже сейчас приводящие к тому, что в общественном сознании сложившаяся в России модель структуры общества быстро теряет свою легитимность. Особенно ярко эта тенденция просматривается среди тех, кто субъективно причисляет себя к слоям «ниже среднего», но объективно не относится к числу социальных аутсайдеров. Восприятие сложившейся модели социальной структуры как такой, в которой население страны отделено пропастью от «верхушки» общества, наиболее широко распространено среди жителей Москвы, для которых характерна исключительная глубина социального неравенства.

³⁵ Эти процессы разворачиваются в реальности [Тихонова, 2014а; 2014б] и находят свое отражение в общественном сознании.

Пока в целом ситуацию с субъективной стратификацией можно считать относительно благополучной, число россиян, безусловно недовольных своим местом в обществе или относящих себя к его «низам», относительно невелико. Тем не менее в последние годы впервые за последние 25 лет в общественном сознании начало доминировать убеждение, что оптимальной для России могла бы стать модель общества социальной однородности. Именно сейчас россияне начинают разделять приоритет прав человека по отношению к интересам государства. И то и другое знаменует кардинальные перемены в общественном сознании и чревато запросом на серьезные изменения социальных институтов, как формальных, так и неформальных. Формирование этого

запроса во многом связано с усиливающимся антимеритократизмом российского общества.

Оценивая эвристические возможности построения моделей субъективной стратификации или фиксации субъективных представлений населения о модели социальной структуры общества, можно сказать, что они являются важными инструментами анализа общественных настроений. Поскольку существует сильная зависимость самооценок своего статуса от уровня запросов человека, показатели субъективной стратификации нельзя использовать при реализации мер адресной помощи населению или для оценок его реального материального положения.

Список использованных источников

1. Бедность и бедные в современной России / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова [и др.] ; под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир. 304 с.
2. Богомолова Т. Ю. Экономическая стратификация: объективное и субъективное измерение / Т. Ю. Богомолова, В. С. Тапилина // Социологические исследования. 1997. № 9. С. 28–41.
3. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (дата обращения: 02.09.2021).
4. Гимпельсон В. Отношение к неравенству: существует ли «туннельный эффект»? / В. Гимпельсон, Г. Монусова // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. № 2 (18). С. 216–226.
5. Готово ли российское общество к модернизации? / М. К. Горшков, В. В. Петухов, Н. Е. Тихонова [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир. 344 с.
6. Гудков Л. Россия в ряду других стран: к проблеме национальной идентичности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 1. С. 39–47.
7. Зудина А. А. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. № 3 (14). С. 27–63.
8. «Идеальное общество» в мечтах людей в России и в Китае / М. К. Горшков [и др.] ; отв. ред. : М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, П. М. Козырева. Ли Пэйлинь. М. : Новый хронограф. 424 с.

9. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. М. : Новое издательство, 2011. 464 с.
10. Косова Л. Б. Основания успеха: результаты сравнительного анализа оценок субъективного статуса // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. № 3–4. С. 118–127.
11. Мареева С. В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Journal of Institutional Studies. 2015. Т. 7, № 2. С. 109–119.
12. Мареева С. В. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании / С. В. Мареева, Н. Е. Тихонова // Мир России: социология, этнология. 2016. Т. 25. № 2. С. 37–67.
13. Модель доходной стратификации российского общества: состояние, динамика, факторы / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина [и др.] ; под ред. Н. Е. Тихоновой. М.—СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с. doi: 10.31754/nestor4469-1419-7.
14. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир. 400 с.
15. Российское общество и вызовы времени. Кн. 3 / М. К. Горшков, В. А. Аникин, Л. Г. Бызов [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2016. 424 с.
16. Российское общество и вызовы времени. Кн. 5 / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Р. Э. Бараш ; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М. : Весь мир, 2017. 427 с.
17. Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Л. Г. Бызов [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Наука, 2014. 259 с.
18. Слободенюк Е. Д. Стратификация российского общества по жизненным шансам и рискам: динамика структуры и мобильность россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. Т. 129. № 3–4. С. 57–68.
19. Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / М. К. Горшков [и др.] ; под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2016. 368 с.
20. Средний класс в современном российском обществе / под ред. М. Горшкова, Н. Тихоновой, А. Чепуренко. М. : РОССПЭН, 1999. 304 с.
21. Тихонова Н. Е. Межгенерационное воспроизводство профессиональных статусов и классовой принадлежности в современном российском обществе // Вопросы теоретической экономики. 2021. Т. 2. С. 61–78.
22. Тихонова Н. Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018а. Т. 126. № 1–2. С. 17–29.
23. Тихонова Н. Е. Соотношение интересов государства и прав человека в глазах россиян: эмпирический анализ // Политические исследования (ПОЛИС). 2018б. № 5. С. 134–149.
24. Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М. : Новый хронограф, 2014а. 408 с.

25. Тихонова Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 320 с.
26. Тихонова Н. Е. Факторы стратификации в современной России: динамика сравнительной значимости // Социологические исследования. 20146. № 10. С. 23–35.
27. Хахулина Л. А. Субъективные оценки социального неравенства: результаты сравнительного международного исследования // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3 (71). С. 46–51.
28. Шкаратан О. И. Социальная система, обращённая в прошлое. (ч. 1) // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 3. С. 88–104.
29. Шкаратан О. И. Социальная система, обращённая в прошлое. (ч. 2) // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 4. С. 80–119.
30. Alesina A. Preferences for Redistribution / A. Alesina, P. Giuliano // Handbook of Social Economics. 2011. Vol. 1. P. 93–131.
31. Anikin V. A. Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia / V. A. Anikin, Y. P. Lezhnina, S. V. Mareeva [et al.] ; National Research University Higher School of Economics. Series WP BRP "Sociology". 2017. No. 80/SOC/2017.
32. Benabou R. Social Mobility and Demand for Redistribution: the POUM Hypothesis / R. Benabou, E. Ok // The Quarterly Journal of Economics. 2001. Vol. 116. No. 2. P. 447–487.
33. Bottero W. Class Identities and the Identity of Class // Sociology. 2004. Vol. 38. No. 5. P. 985–1003.
34. Clark T. N. Are social classes dying? / T. N. Clark, S. M. Lipset // International Sociology. 1991. Vol. 6. Is. 4. P. 397–410.
35. Corneo G. Individual Preferences for Political Redistribution / G. Corneo, H. Gruner // Journal of Public Economics. 2002. Vol. 83. No. 1. P. 83–107.
36. Goldthorpe J. The Affluent Worker: Industrial Attitudes and Behaviour / J. Goldthorpe, D. Lockwood, F. Bechhofer [et al.]. London : Cambridge University Press, 1968–1969. Vol. 1. 206 p. ; Vol. 2. 216 p. ; Vol. 3. 239 p.
37. Hirschman A. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development / A. Hirschman, M. Rothschild // Quarterly Journal of Economics. 1973. Vol. 87. P. 544–566.
38. Kelley J. Class and Class Conflict in Six Western Nations / J. Kelley, M. D. R. Evans // American Sociological Review. 1995. Vol. 60. No. 2. P. 157–178.
39. Kenworthy L. Inequality, Public Opinion and Redistribution / L. Kenworthy, L. McCall // Socio-Economic Review. 2008. Vol. 6. No. 1. P. 35–68.
40. Mareeva S. V. Socio-economic inequalities in modern Russia and their perception by the population // Journal of Chinese Sociology. 2020. Vol. 7. No. 10. doi: <https://doi.org/10.1186/s40711-020-00124-9>.
41. Mareeva S. V. Society of Unstable Wellbeing: Income Mobility and Immobility in Russia / S. V. Mareeva , E. A Slobodenyuk ; NRU Higher School of Economics. Series SOC "Sociology". 2020. No. WP BRP 94/SOC/2020. 23 p.

42. Warner W. L. The Status System of a Modern Community / W. L. Warner, P. Lunt. New Haven : Praeger, 1947. 246 p.
43. Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1-я (высшая) позиция — 0,6%; 2-я позиция — 2,8%; 3-я позиция — 12,5%; 4-я позиция — 23,5%; 5-я позиция — 20,2%; 6-я позиция — 21,7%; 7-я позиция — 12,8%; 8-я позиция — 4,4%; 9-я позиция — 1,2%; 10-я (низшая) позиция — 0,3%.
44. Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1-я (высшая) позиция — 0,9%; 2-я позиция — 2,7%; 3-я позиция — 9,0%; 4-я позиция — 22,0%; 5-я позиция — 17,1%; 6-я позиция — 28,0%; 7-я позиция — 10,7%; 8-я позиция — 6,4%; 9-я позиция — 1,9%; 10-я (низшая) позиция — 1,2%.

Научное издание

*Серия аналитических докладов НИУ ВШЭ
«Социально-экономическое неравенство в России:
состояние, динамика, ключевые проблемы»*

Тихонова Наталья Евгеньевна

**СУБЪЕКТИВНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА, КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Редактор: Солнцев Е.М.
Компьютерная верстка: Понизов В.В.
Дизайн обложки: Емельянова М.А.

Подписано в печать: 15.12.2021. Формат 60х90 1/8
Усл.-печ. л. 4,5. Уч.-изд. л. 2,1.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: +7 (495) 772-95-90 *15564

Научный центр мирового уровня
«Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала»

URL: <https://ncmu.hse.ru/>
E-mail: ncmu@hse.ru

